

Лана Петровских

НАЧАЛО

Любовь – это... проявление
бессмертного начала
в существе смертном.
Платон

Лана Петровских

**Начало. Любовь – это...
проявление бессмертного начала
в существе смертном. Платон**

«Издательские решения»

Петровских Л.

Начало. Любовь – это... проявление бессмертного начала в существе смертном. Платон / Л. Петровских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931155-9

Любовь существует в бесконечности. Любовь — это свет Солнца, без которого невозможна Жизнь. Окунитесь в любовный мир приключений, и ваше уставшее сердце отзовется надеждой вновь испытать чувственное дыхание приближающейся любви. Эта книга именно для вас! Любовь! Что может быть лучше!

ISBN 978-5-44-931155-9

© Петровских Л.
© Издательские решения

Содержание

Роза ветров	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Начало Любовь – это... проявление бессмертного начала в существе смертном. Платон

Лана Петровских

© Лана Петровских, 2018

ISBN 978-5-4493-1155-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лана Петровских

По образованию и призванию семейный психолог,
сценарист. Автор серии рассказов о любви:
«Равняется Любовь», «Девичий роман»,
«Любовный детектив», «Часов не наблюдают»,
«Затеряться в любви».

Любовь существует в бесконечности.

Любовь – это свет Солнца, без которого невозможна Жизнь.

Окунитесь в любовный мир приключений, и ваше уставшее сердце отзовется надеждой вновь испытать чувственное дыхание приближающейся любви.

Эта книга именно для вас! Любовь! Что может быть лучше!

Роза ветров

«Ты знаешь, как важно быть первым! Когда адреналин внутри допрыгивает до глотки и криком вырывается наружу... Да! Ты знаешь это кайфовое чувство... потому что, впервые испытав приступ победы, ты вновь и вновь ищешь это ощущение во всём... и во всех – проще всего у тебя это получается с женщинами. Обволакивая их сущность своей харизмой, ты сам погружаешься с головой в сладкое предвкушение легкой победы. Легкой? Да! Потому что уже испытываешь само удовольствие начать игру соблазнения первым... Ты – красавчик, и с годами твой статус только укрепляется. Седина в волосах, спокойный тембр, уверенность, скользкая сквозь все твои движения – и новый мотылек вновь летит к твоему солнцу... Ты думаешь, так будет всегда?»

Поверь мне – внезапно и как-то непредсказуемо – твоя игра остановится, закончится навсегда и совершенно не с твоим уходом из этого мира. Ты будешь продолжать жить, обедать в дорогих ресторанах, засыпать в облаках мягкой постели, вполне возможно, что не один... Но... адреналин и вкус победы быть первым – больше никогда не будет в твоей власти.

Не веришь моим предсказаниям? Считаешь, что я твой тайный завистник? Что мне не дает покоя твой успех? Нет... дорогой мой... Мне незачем завидовать... завидовать самому себе...

Если ты читаешь это письмо – значит... моя исповедь, долетевшая в этом конверте, возможно, предостережет тебя сейчас – тогда и моё настоящее, а твоё будущее уцелеет от щемящего страшного чувства «ни-ког-да больше»...

Он шёл ночной тишиной, тихонько насвистывая привязчивый фокстрот.

Покинув ретро-клуб, в этот раз он возвращался один. Апартаменты в красивом доме в исторической части города ждали его в блеске светящихся окон второго этажа. Он, уходя, всегда оставлял свет в спальне, окна которой смотрели на улицу. Создавалось ощущение живого пространства, хотя он предпочитал одиночество, но ему нравился этот теплый свет воображаемого очага.

Привычным жестом скинув пиджак на стул-вешалку, неспешно поставил ботинки из экзотической кожи в угол, слегка пошатнувшись от выпитого количества под шансон и блюзы симпатичной шатенки, он вновь засвистел приятную мелодию. Расслабленному от музыки, ему не хотелось очаровывать исполнительницу милых песенок... не сегодня...

В крохотные паузы, когда музыка не навязывала слова, в которые он погружался, в голове мгновенно возникало странное утреннее ощущение пустоты... будто перед ним медленно закрывалась огромная чугунная дверь, отрезая пространство выбора – он не успевал проскочить в светлый промежуток, оставаясь в темном непонятном недоумении. Он уже не мог вспомнить – это было утренним сном или внезапным видением, но неприятный шепоток пробежал внутри, проявляясь сквозь кожу на висках прохладным неприятным потом. Лечь в кровать было единственным желанием.

Утром он улетал в командировку в знакомый Потсдам. Милый уютный городок встретил морозящим дождем. В этот раз его поселили в районе бывшего закрытого города (отдельный район Потсдама), где раньше жили работники НКВД с женами, детьми, прислугой – эшелон далекой советской власти. Когорта стоящих у власти должностных лиц разных уровней проживала в этих симпатичных домиках долгие годы.

Он почувствовал несвойственное ему волнение, осматривая предоставленный дом. Спустившись в подвал, он дал волю воображению. Будто призраки чужой семьи шебуршались в дальнем углу. Он поёжился. Голова, как слоеный пирог – вечернее перепитье, утренний

самолет, морозящий дождь, закрытый город с его воспоминаниями – неприятно! Он вышел на лужайку перед коттеджем.

Вечером он отказался от предложенной экскурсии к дворцу Прусского короля, его мало интересовала эпоха позднего барокко. Направив свои шаги в сторону центра города, он завис в местной пивнушке с милым названием «Бавария». Официанточка в национальном костюме в расшитой белой рубашке и черном сарафанчике, шнурованном на уровне высокой груди, привлекала внимание.

Он выстраивал вереницу бокалов на столе, запрещая уносить пустые – это была некая игра – посчитать количество выпитого. Потом он раскладывал подставки-кружочки, когда навязчивый менеджер всё же унес опустошённую посуду. Для ровного счета сил не хватило. Он бросил затею счетоводства и, расплатившись, вышел под лунный морозящий дождь.

Третий день командировки подходил к концу. Утром свежий и бодрый он появлялся в офисе, вечером – уставший от выпитого пива и подсчитанных кружочков-подставок, он плюхался в такси. Но каждый раз накатывало странное чувство тоски, не утопая в алкоголе, оно преследовало до утра, пока его мозг не проваливался в короткий сон под трели непуганых соловьев.

Ожидая головную боль, он не встречал ее на рассвете, наоборот, свежесть мыслей и бодрость сил. Непонятная метаморфоза.

Обычно его командировочные вечера заканчивались с хорошенькой немкой, которая определенно хотела выучить пару слов по-русски. Но в этот раз – ему хотелось одиночества как никогда.

«Старею, что ли» – подумал он, усмехнувшись своим мыслям. Сорок шесть – вполне нормальный возраст. Он поигрывал в теннис, подолгу плавал, любил пешие прогулки на расстоянии, в общем, подолгу мог делать всё, как всегда.

Дождь, пропадаая на несколько часов, возвращался вновь. Последний вечер. Мягкий свет фонарей куда-то манил. Захотелось прокатиться далеко-далеко. Взяв на прокат обычный транспорт для следящих за своим здоровьем немцев, он с удовольствием крутил педали. Представилась симпатичная расстроенная мордашка официантки, которая привыкла к нему за три вечера, он по ее движениям и взглядам уже знал, что в следующий его визит они уйдут вместе, но именно сегодня душа требовала простора.

В начале мая Потсдам уже погружен в зеленое великолепие. Сочные листья, цветущая сирень, цветы, названия которых он не запоминал, зная только общепринятые для букетов.

В голове радостно вспомнилась песенка кота Леопольда – «Пусть, пусть дорога вдаль бежит, Грусть пусть на сердце не лежит, Мне все на свете по плечу, И с песней этой качу по свету, Качу, качу куда хочу...»

Внезапно, проворонив выбившийся булыжник из мостовой, он соскочил с велосипедной дорожки, ударившись о бордюр. Колесо развернуло в сторону и, не снижая скорости, он свалился на проезжую часть...

Ни машин, ни людей. Чертыхаясь и постанывая от разбитого колена и рук, он дотащил себя и велосипед до близко стоящей остановки.

Удивило наличие сухого места на мокрой лавочке, будто кто-то только что сидел на ней и в миг испарился. Он осторожно присел, шурясь от боли.

«Покатался, герой... Лучше бы с Хильдой развлекался. Кстати, с немецкого ее имя переводится, как „сражённая“. Сраженная наповал моим обаянием», – он чуть слышно рассмеялся своим мыслям.

Шорох в темноте огромного дерева, свисающего на край остановки, остановил его смех.

– Кто здесь?! – громко по-немецки произнес он.

Из-за ветвей показалась женская фигурка в вечернем платье до колен.

«Видимо, я спугнул эту птичку со скамейки».

– Guten Abend – миролюбиво произнес он.

– Я не говорю по-немецки...

– Нормально... Привет... ты и по-русски говоришь с акцентом. Не бойся, я сам, видишь, раненный... Ты откуда здесь под дождем?

Она вышла к остановке на свет.

«Ей около тридцати, хотя можно принять за подростка, если снять платье и убрать странную пирамидку из волос... Снять платье! – да это в твоём репертуаре, но похоже она еще более в дурацкой ситуации, чем ты» – рулил внутренний голос.

...Он согласился с ней, что немецкие мужчины – странный народ, при всей природной аккуратности, они могут внезапно стать абсолютно негалантными. Пригласив ее на вечер, немец напился, как shcwein, и ей пришлось сбежать из домика и незнакомого места, телефон разрядился, а номера, которые мы помним всегда, впитав их с молоком матери, начинаются с нуля – 01, 02, 03 и так далее. Хотя сейчас общая служба 112, но это не тот номер, по которому сейчас окажут помощь. Он предложил себя в качестве спасателя.

Обработав раны снаружи, он выпил виски, обработав организм изнутри. Анника пить отказалась, согреваясь в его шоколадном пледе. Разобрав свою странную прическу, она стала похожа на девочку, испуганную девочку, не спускающую глаз с его движений.

– Да, расслабься ты, мне точно не до тебя... Завтра улетаю в Москву, а видок будто бандитов брал, как Шарапов. Знаешь такого киногероя? Или ты после союза родилась? – он зондировал почву по привычке.

– Я знаю Шарапова, знаю фильм... извините, а можно чаю... – её акцент мелодично плыл по комнате.

Аника из Эстонии приехала к подруге на праздники познакомиться с ее женихом-немцем. Помолвка удалась, только провожатый оказался не джентльменом.

– Мне 34 года, я всё знаю про советский союз... Мама – русская...

Он не стал добавлять, что, рассматривая ее в пледе, подумал об удочерении – пошло... ей и так досталось.

Они договорились, что завтра утром, по пути в аэропорт Тегель, он подбросит ее до берлинской гостиницы.

Сон не шел вовсе – в голове калейдоскопом крутились картинки – улыбчивая Хильда из бара, мокрый сиреневый куст, кот Леопольд, бокалы с пивом, офисные коврики, шоколадный плед... Мысленно завернувшись в тот шоколадный плед, он задремал...

Ему снилось мягкое прикосновение, будто ветер слегка теребил челку, нывшее колено вдруг перестало болеть, он ощутил запах цветущего луга... Мозг выдал сигнал – что запах он не может ощущать во сне, и он открыл глаза...

Её дыхание касалось его губ... Она накрыла его вкусным пледом и что-то шептала вперемешку русско-эстонских слов. Он впервые не был первым – это был ее выбор, он даже мысленно не проникал в неё никаким желанием, хотя...

Она была нежная и страстная, как весна...

Он проспал будильник телефона. Он проспал ее уход. Он чуть не проспал свой рейс. Так крепко он не спал много лет... Он мог совсем не спать, хватая для сна три-четыре часа... Но сегодня... что за ночь?

Нестандартные ощущения ползали внутри, пока он судорожно спешил в аэропорт. Пристегнувшись ремнем в бизнес-классе, он заказал себе шампанского, необычный выбор при его многолетнем виски. Это не смена привычки, это простое желание новизны – ощутить давно знакомый вкус спустя несколько лет. Опять эти несколько лет – он не спал так крепко давно, он не пил шампанского давно, он не чувствовал себя таким молодым давно и таким неуверенным. То чувство, которое он перестал испытывать со студенчества в МГИМО, когда на спор заку-

тил легкий флирт с непривлекательной сухой преподавательницей, от которой впоследствии бежал, нарезая лишний круг по этажам. Что с ним?

Самолет. Он достал портфель для бумаг, нужно было еще распечатать отчет, чтобы освободить вечер. Он предвкушал, что снова пойдет в тот ретро-клуб и уведет с собой шансоньетку.

Во внешнем кармашке портфеля белым краешком выглядывал конверт. Что это и откуда? Он развернул письмо.

«Ты знаешь, как важно быть первым! Когда адреналин внутри допрыгивает до глотки и криком вырывается наружу... Да! Ты знаешь это кайфовое чувство... потому что, впервые испытав приступ победы, ты вновь и вновь ищешь это ощущение во всём... и во всех – проще всего у тебя это получается с женщинами. Обволакивая их сущностью своей харизмой, ты сам погружаешься с головой в сладкое предвкушение легкой победы. Легкой? Да! Потому что уже испытываешь само удовольствие начать игру соблазнения первым... Поверь мне – внезапно и как-то непредсказуемо – твоя игра остановится, закончится навсегда и совершенно не с твоим уходом из этого мира.

Адреналин и вкус победы быть первым – больше никогда не будет в твоей власти. Не веришь моим предсказаниям? Считаешь, что я твой тайный завистник? Что мне не дает покоя твой успех? Нет... дорогой мой... Мне незачем завидовать... завидовать самому себе...

Моя исповедь, возможно, предостережет тебя сейчас – тогда и моё настоящее, а твоё будущее уцелеет от шемящего страшного чувства «ни-ког-да больше»...

Теперь история, в которой я оказался, должна быть рассказана от первого лица.

Мурашки заполнили всю поверхность моего тела...

Первым моим движением была пробежка глазами по соседним креслам – ни одного знакомого лица. Я прошел по всему салону самолета до хвоста и обратно, просверливая взглядом каждого летящего – тот же результат – никого и ничего, что могло подтолкнуть к дальнейшим действиям.

Некто подsunул мне конверт непонятно с какой целью. Шутка? Смысл?

Интересна всегда первоначальная реакция того, кого хотели разыграть. Я читал, уткнувшись листом в иллюминатор, лист в руках не дрожал, активных реакций с моей стороны не было, только внутри тряхануло нешуточно на доли секунды. Значит, моя визуальная реакция была не важна для шутника. Может, это вовсе не мне послание... хотя я мало встречал похожих портфельчиков, как у меня, по случаю приобретенного в Судане несколько лет назад. В командировки я исключительно беру только этот портфель.

Мои многочисленные мыслительные рассуждения по поводу письма – к разгадке не продвинули. Через двадцать минут шасси коснется московской земли.

В клуб я не пошел. Забросив в дом вещи, я вышел на набережную. В голове крутилась песенка кота Леопольда.

Анника? И надо было мне в тот вечер выбрать вместо романтической ночи с официанткой дождливую прогулку на велосипеде, чтобы с травмами неожиданно заполучить женщину в ампулах травести, и как вознаграждение обнаружить от нее странное, проще сказать, пугающее послание?

Буквы напечатаны стандартным шрифтом. Я, взяв письмо с собой, понюхал конверт, ожидая уловить луговой аромат Анники... ничего. Просто листок, просто письмо, простор для воображения и первый шаг в сторону сумасшествия.

Писавший уверял меня, что он – это я. То есть я получил письмо от самого себя, из будущего (бред настоящий). И, судя по числу внизу – это возраст – 52 года. Через две недели мне сорок семь, значит, если поверить безумцу, то скоро придет конец моей счастливой жизни, и наступит некий предел, после которого я окажусь живым трупом... Точно бред!

Что за погода? Опять морозящий дождь, стоянка велосипедов и песня кота из мультика в голове – дежавю. Если я повторю потсдамский маневр, быть может, я избавлюсь от наваждения. Возникнет Анника, и всё прояснится. Я готов был оседлать велосипед, почти поверив в потусторонщину, но... вибрационный звонок выдернул меня из коридора, ведущего в мир тонких материй.

Если верить теории случайностей, то я нахожусь в эпицентре этой теории. Через трубку, упрямо нарушая все законы метафизики, плыл аромат скошенного луга. Её мелодичный акцент.

– Простите меня... я не знаю, как вас зовут... И мой звонок не должен был к вам попасть... но...

Я старался не дышать в эфир.

Мое внезапное учащенное волнение удивило меня. Да – милый голос, да – забавный акцент, приятные воспоминания той ночи – и что? Но удары смущенного сердца будто нарочно заглушали разумные мысли, поселившись не только в пределах своего обычного местонахождения, но и в голове, мышцах, суставах – стучало и пульсировало везде.

Она говорила с большими паузами, предлагая вступить в диалог, но я молчал, впервые испытав проявление психосоматики, когда комок в горле увеличил кадык на пять размеров, даже глотать получалось с трудом.

«Что? Вот оно началось это предупреждение из письма, что я медленно, но основательно сползаю со своего победоносного коня, теряя контроль над ситуацией. Бред!»

Она говорила, что удачно добралась до Берлина, извинилась, что не дождалась моего пробуждения (она так и сказала – про-буж-де-ни-я – и слово-то книжное, и произношение по слогам. Она, боялась ошибиться, как иностранец, плохо знающий чужую лексику). Прodelав несложные манипуляции с моим телефоном, она узнала мой номер.

– Дмитрий... – сквозь боль в горле произнес я в долгую тишину.

– Анника... еще раз... Я в Москве...

Её имя, произнесенное через трубку, прозвучало во мне «Паника!» – в принципе, правильное отражение моего состояния в этот момент моей всегда контролируемой жизни. Я назвал адрес и время.

Через два часа мы встретились...

Я – успешный, самодовольный и самодостаточный чувствовал себя мальчишкой на первом свидании с девушкой, которая казалась воплощением юношеской мечты. Мы сидели в уютном кафе и молчали. Я от неприятного и забытого чувства смущения, она – ... (о причине ее молчания я могу только догадываться). Она приоткрывала губы, готовая что-то сказать, даже чуть вытягивалась ко мне, сидящему напротив, и на вдохе замирала, опуская плечи. Будто птичка, забывшая, как умела щебетать.

Собрав остатки сил, незахваченных внезапным романтизмом, я резко встал, громко отодвинув стул. Она вздрогнула, подняла на меня глаза, которые мгновенно стали наполняться влагой.

«Господи, да что за чертовщина происходит со мной. Я дурею от присутствия этой девчонки! И меня бесит, что я превращаюсь в слюнявого вислоухого щенка!»

– Идем отсюда! – скомандовал я, не оглядываясь, чувствуя страх погрузиться в ее глаза, потому что шестое или двадцать пятое чувство самосохранения подсказывало – тебе не выплыть, если еще минута здесь – в полумраке, под звуки расслабляющей мелодии, в столь

близком присутствии друг к другу. Круглый крошечный столик, диаметром 40 сантиметров давил на моё состояние.

Простор! Воздух! Шум города! – вернут меня в прежнее состояние равновесия.

Я поймал желтое такси, сунул водителю оплату за поездку любой дальности и открыл пассажирскую дверь для нее.

– Садись, водитель довезет тебя, куда скажешь, – я старался не смотреть на нее. – У меня дела... неотложные. Садись.

Она послушно села на сидение сзади. Её нога мешала мне захлопнуть дверцу и завершить этот сложный для меня вечер. Она медлила, наклонив голову.

Я начинал нервничать, придавливая желание засунуть ее ногу в машину. Я ждал, напрягаясь каждую секунду.

Сигнал проезжающей машины отвлек мое суровое сосредоточение на ее непослушной ноге в облегающих джинсах, когда она резко вскочила, притянула меня к себе и жадно, не по-женски, впиалась губами в мой рот.

Ее жесткий поцелуй парализовал меня, будто укус змеи. Я застыл, ощущая, как уходит моя нервозность, злость на самого себя, на этот нелепый вечер, на нее, на свое смущение. Она будто почувствовала моё затихание. Ослабив поцелуй, она превратила его в нежность, и только напоследок слегка прикусила, давая понять, что ей тоже было не просто с таким чурбаном, как я.

Прошла неделя, я запрещал думать о том вечере, когда хотел потребовать объяснений от нее на тему оказавшегося у меня письма, но так и не произнес выстроенную фразу про послание.

Еще неделя в неразберихе навалившихся проблем – мой шеф, точнее, шефиня впадала с периодичностью в истерику. То сроки поджимают, то сотрудники – быдло, то неожиданно расплакалась перед женским туалетом, как девочка, размазывая тушь, похожую на мокрую гуашь.

Наш давний роман, закончившийся перемирием на неопределенный срок, дал мне возможность затащить ее всхлипывающую в пустой ремонтируемый кабинет от любопытных глаз подчиненных.

Спасая ее имидж стервозной начальницы, я, перепачканный белой штукатуркой, приводил в чувство ее собственное достоинство. Минут пятнадцать нам хватило – простить бестолковых коллег, зверства вышестоящих, заодно друг друга, вспомнив наши отношения три года назад, когда я буквально, как она выразилась, спас ее разваливающийся брак, вновь утвердив ее в мысли желанной женщины, в итоге – простили весь наш сумасшедший мир. Покурили и даже посмеялись, вспоминая последний корпоратив с приглашенными ростовыми куклами, когда в разгар конкурса суровый Тигр сорвал оскаленную морду, представ перед нами худенькой женщиной с веснушками.

Как иллюзорно всё в нашем мире. Снаружи – хищник – внутри веснушки.

Проблемы с нервозностью на работе перетекли в личное. Я впервые поссорился с лучшим другом, мало того, я сжимал кулаки, готовый размазать его физиономию. Мы дружим более двадцати лет, он когда-то простил мне уход своей девушки в мою постель, но на тот момент я не знал, что она его девушка. И вдруг сейчас, спустя столько лет, он вспомнил мне тот проступок, обвиняя во всех жизненных неустоях своей несчастной действительности. Бред!

Пора в командировку! И лучше на дальние берега!

В мегаполисе встретить знакомого человека, не назначая ему конкретную встречу, практически невозможно. У меня, по крайней мере, таких встреч наперечёт.

Срастаясь знакомствами между собой, я, тем не менее, редко замечаю в шумной агломерации знакомые лица. Чаще находят меня.

Аэропорт. Полет с пересадкой. Билет до Амстердама (недалгие берега, конечно, но я люблю этот город). Мест на прямой рейс не оказалось из-за срочности моего заказа. А желая развеяться, я согласился на пересадку.

Заказ делала секретарь... И вот опять! Что?! Случайность? Закономерность? Что моя пересадка лежит через Таллин! Вероятность, что Анника в родном городе – минимальная, она не рассказывала, где живет чаще.

У меня целых пять часов болтания в городе романтиков... Виски после прохождения паспортного контроля, и я написал ей смс.

Я жадно и смущенно искал ее глазами в числе встречающих. Ответа на смс не было. Доставлено. Но... прочитано ли? Десять минут глупого ожидания. Чего я, собственно, ждал? Любовных объятий? Нет! Я вдруг поймал себя – что мне достаточно просто увидеть её, с условием остаться незамеченным. Я сел в баре, заказав успокоительный виски. Пара порций. Пора на воздух.

И вновь потсдамская погода – слякотная весна, хотя, так определенно лучше – меньше туристов.

Есть в старом городе особая плита с розой ветров в изображении – стилизованная звезда, исполняющая желания.

– Роза ветров, в каком направлении полетит мой следующий миг жизни?

Захотелось поверить в легенду. Встав на плиту и насчитав все пять шпилей, я прикрыл глаза. Обычно желания вереницей пролетали в голове, оставалось лишь сделать выбор среди насущных. Но сейчас кроме пустоты – ничего. Где мои желания?

И как призрак возникли строчки из письма: «Внезапно и как-то непредсказуемо – твоя игра остановится, закончится навсегда...».

Я сошел с плиты, раздраженно морщась от мелкодисперсных частичек дождя, попадающих на лицо. Нет желаний! Впрочем... одно есть...

Она обвила меня руками сзади, захватив в плен, из которого я не хотел освобождаться. Чёртова легенда! Живёт! Моё желание обнимало меня, окутывая сладким запахом луговой травы. Встретив меня в аэропорту, она незаметно шла за мной этот долгий час ожидания.

... Через четыре часа, бесконечное число раз повторяя мое имя на свой лад – «Димитрий, Димитрий, Димитрий» – то громко, то почти шепча, то радостно, то грустно, она провожала меня. Уставшие от эмоций, мы уткнулись лбами в холодное стекло на пороге аэропорта. Остужаясь, мы молча прощались, вновь не договорившись ни о чем.

Ни в какой Амстердам я не полетел. В самолете в Москву, я вспоминал ее восхитительную улыбку – она впервые улыбалась. Картинками мелькало ее лицо – испуганное в Потсдаме, заплаканное в Москве и улыбчивое в Таллине.

Ночью я вернулся к письму из будущего...

«Адреналин победы и вкус быть первым – больше никогда не будут в твоей власти... Но... Вкус ЛЮБВИ сильнее, острее и жгучее вкуса победы. Ты никогда не испытывал такого яростного накала от желания, глубокой тоски засасывающего одиночества без нее, необъяснимой радости и сжимающей нежности к ней. Чувствуя ее обнаженную душу, ты впервые не смо-

жешь понять себя, умеющего всё разложить по полочкам и в нумерации – ты захлебнешься от переполняющих эмоций и навсегда перестанешь быть тем, кем был до нее... С днем нашего рождения, мальчик мой!»

Я разорвал письмо на самые мелкие обрывки. Почему я позволил войти в свою жизнь этим словам!? Я не верю этому письму! Я не верю ничему, что может изменить моё настоящее без моей на то воли и желания.

Утром наступил день моего рождения. Я тупо не пошел на работу, выключил телефон, час мокнул под душем и ушел в зоопарк. Посещение животных было атрибутом моего праздника детства.

Слоны. И мне грустно подумалось, что берлинские слоны не знают, что находятся в неволе. По размерам жилплощади нашим приходится быть скромнее в своих масштабах и желаниях. Я прислушался к себе... желания. Да. Они есть, но ближе к потребительскому удовлетворению – час обеда, а последний раз я ел в здании аэропорта имени Леннарта Мэри вчера поздно вечером.

Накупив в супермаркете «всяко разное», мне захотелось приготовить всё самому, в чем я, не краснея, мог признаться и похвастаться.

У сурового консьержа послушно и тихо сидели – моя шефиня и обалдуй (любимый друг) с двумя тортами. Дружбан держал в руке еще и вискарь чуть ли не прошлого века (шучу). Конечно, в вискикурне в Шотландии хранится напиток 1906 года, стоящий полтора миллиона долларов, но не будем кощунствовать. Я готов был выпить с ним и дешевого портвейна.

Суэта на кухне, божественный запах чеснока на оливковом масле, бакинские помидоры, сыры, проникающий дух мраморной говядины со сковородки...

...

Нет смысла описывать умиротворение, в котором пребывало мое тело, разум и душа... Гости ушли... Я, захмелевший, бродил по квартире, насвистывая клубную музыку.

«Я не прогуляться ли мне к шансоньетке! Я ведь так и не успел насладиться ее мурлыканьем» – подумалось мне.

Я распахнул окно и застыл. На уровне моих глаз несколько десятков светящихся воздушных шариков, наполненных гелием. Я захлопал глазами от неожиданного восторга, мгновенно окунувшись в детство. Мама всегда приносила в мой день шары и ощущение невесомости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.